

А.С. Райкова

Новосибирский государственный университет

**История термина «цивилизация»
с позиции исторической семантики и семиотики**

Аннотация: В статье описывается процесс семиотического ослабления признака, рассматриваемый на примере эволюции термина «цивилизация». «Цивилизация» как социальный термин возник значительно позже юридического. Изменение семантической нагрузки слова символизирует переход от варварства к гуманному обществу.

The paper describes the process of semiotic weakening considered of a feature which is considered using as an example the evolution of the term «civilization». «Civilization» as a social term appeared much later than a legal one. The change in the semantic load of this word symbolizes the transition process from barbarism to human society.

Ключевые слова: право, термин «цивилизация», «семиотическое ослабление» признака.

Law, the term «civilization», semiotic weakening.

УДК: 811.111'01:81'22:340.113.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра истории и типологии языков и культур. E-mail: a.s.raykova@mail.ru.

Предметом нашего исследования является эволюция термина «цивилизация» в семиотическом аспекте. Данный термин как культурный (знаковый) феномен несет в себе чрезвычайно большую семантическую и этимологическую нагрузку. Однозначной его трактовки нет ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

Термин «цивилизация», по сути, краеугольный камень в фундаменте нашего мироощущения, которое менялось на разных уровнях развития общества. Потому, в некотором смысле, в исследовательских целях представляется важным проследить эволюцию термина с точки зрения «работы» одного из семиотических процессов – закона «семиотического ослабления» признака. Этот закон действует в различных областях нашей жизни: экономике, культуре, праве и т. д.

Так, по своей природе право – семиотическая система, которой присущи все черты эволюции знаков. В этой системе действует своего рода семиотическая закономерность – трансформация от сильного символа к слабому, а затем и к всем слабому [Проскурин, 2008, с. 11].

В «Законах XII таблиц», древнейшем юридическом документе, присутствует формула *ius ducere*, которую обычно переводят как «вести на судоговорение» [Проскурин, 2008, с. 12]. От значения «вести» глагол *ducere* эволюционировал в сторону более абстрактного, более общего понятия «судить» [Бенвенист, 1995, с. 111].

Обратимся к таблице III Законов XII таблиц, в которой говорится: *post deinde manus iniectio esto / in ius ducito* «По истечении (указанного срока) пусть (истец) наложит руку (на должника). Пусть ведет его на судоговорение (для исполнения

решения)». Формула *ius ducere*, как это видно из примера, сохранила «следы» саморасправы, отсюда смысл – вести силой (тащить) [Проскурин, 2008, с. 13].

«Латинская форма *ducere* связана с готским *tiuhan* (нем. *Ziehen*) “тянуть” <...> Уже на основе сопоставления готской и латинской форм мы можем определить исходное значение глагола *duco* как “тянуть”» [Бенвенист, 1995, с. 114–115]. К этому же корню относится древнеанглийское *þing*, соответствующее значению «судебное дело, спор».

Так, в эпосе англосаксов «Беовульф» нападение чудовища Гренделя на палату для пиров Хеорот короля Хротгара квалифицируется как *þing* – «(судебное) дело»: *me wearth Grendles þing* (строка 409 эпоса).

Подобный переход термина, обозначавшего силовое действие, к юридическому термину «суд» можно объяснить тенденцией замещения сильного семиотического действия (побои, саморасправа) ослабленным семиотическим действием (наказание), а также слабым (закон) [Проскурин, 2008, с. 13].

В культуре с подобными семиотическими процессами мы сталкиваемся, изучая акты жертвоприношения. На смену кровавым ритуалам принесения жертвы пришли более гуманные способы «умиротворения» богов (возложение к пьедесталу идола пищи, драгоценных даров).

Интересно проследить с этой точки зрения и эволюцию понятия «месть». Ю.С. Степанов пишет, что «месть – первичная форма наказания, осуществляемая потерпевшим и его близкими... <...> В историческое время она подвергается различным ограничениям, благодаря которым приобретает публичный характер, потому что подлежит контролю общественной власти. Постепенно месть сменяется системой выкупов» [Степанов, 2004, с. 432]. Таким образом, мы можем говорить об общем семиотическом процессе – «материальное, физическое воздействие на агенса (в данном случае – подлежащего мести) сменяется воздействием ослабленным, замещением (выкупом)» [Проскурин, 2008, с. 14].

К примеру, по древнегерманскому обычному праву состояние кровной вражды признавалось обязательной нормой социального поведения, которая обозначалась термином *faida*. Публично объявлялась *файда* (*Faida – quod est inimicitia*), и после этого убийство виновного, совершенное явно, на глазах и в присутствии соплеменников, считалось справедливым возмездием. В своей первоначальной форме при отсутствии судебных органов публичной власти кровная месть – *файда* играла роль социальной защиты личности и имущества свободного.

Все выше перечисленное нашло свое «кровавое» отражение в мифологических и эпических сюжетах того времени у разных народов. Эпос англосаксов насыщен настроением враждебности, готовности к жестокой расправе, эпизодами яростного отмщения.

Красочным примером саморасправы является разбирательство героя Беовульфа с кровожадным чудовищем Гределем, который в течение долгого времени пожирал приближенных датского короля Хротгара. Герой побеждает чудовище, восстанавливая нарушенное равновесие и совершает кровавую месть.

Так, в следующем эпизоде эпоса Беовульф предлагает Хротгару отомстить матери Гренделя за погибшего родича, советника и наставника (*min runwita ond min raedbora*) Хротгара, по которому скорбели датчане (*sorh is geniwod Denigea leodum*), Эскхере:

Beowulf maþelode bearn Ecgþeowes: 'Ne sorga, snotor guma selre bið aeghwaem þæt he his freond wrece þonne he fela murna – «Беовульф сказал, потомок Эггтеова: “Мудрый! не стоит печалиться! – должно мстить за друга (родича), а не плакать бесплодно!”» (строка 1385 эпоса).

Примером «работы» подобного семиотического процесса можно считать и историческую тенденцию падения кар, о которой пишет Питирим Сорокин в своем классическом исследовании по социологии «Преступление и кара, подвиг и награда».

П. Сорокин выявляет следующее семиотическое ослабление: «От неограниченной мести – к талиону, от обязательного талиона – к факультативному, от обязательной мести – к допускаемой, от разрешаемой мести – к системе композиций и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и их постепенного падения» [Сорокин, 2006, с. 380–381].

Но «семиотическое ослабление» признака, на наш взгляд, не обязательно должно быть связано с эволюцией кар в векторе смягчения наказания. Любопытно проследить эволюцию термина «цивилизация». Мы остановились именно на правовой области «работы» признака, так как изначально, как ни странно, слово «цивилизация» использовалось как юридический термин. Обратимся к истории слова.

Определение точной даты появления слова «цивилизация» представляется весьма сложным. Большинство исследователей склоняется к тому, что слово возникло во Франции довольно поздно, в XVIII в., как производное от прилагательного *civilisé* «благовоспитанный, просвещенный» и от глагола *civiliser* «смягчать нравы, просвещать», которые широко употреблялись уже в XVI в. «Слово “цивилизация” еще в 1732 г. оставалось термином сугубо юридическим, – пишет Фернан Бродель, – и означало судебный акт или судебное решение, которое превращало уголовный процесс в гражданский. Современное выражение – в смысле «перехода к цивилизованному состоянию» – возникло позднее, в 1752 г., под пером Тюрго... <...> Впервые в напечатанном тексте это слово появилось в работе “Друг людей, или Трактат о населении” (1756) Мирабо» [Бродель, 2008, с. 33–34].

Французский лингвист Эмиль Бенвенист также отдал пальму первенства в использовании термина Мирабо. Цитируя его в своей работе, Э. Бенвенист делает следующий вывод: «для Мирабо *civilisation* есть процесс становления того, что до него называлось “*police*” – действие, имеющее целью сделать человека и общество более благовоспитанным, прививать человеку навык произвольного соблюдения приличий и способствовать смягчению нравов общества» [Бенвенист, 2010, с. 389]. Вскоре под влиянием работы маркиза де Мирабо этим словом начинают пользоваться и другие авторы, употребляя его в том же значении.

Ф. Бродель подчеркивает, что возникает слово «цивилизация» не случайно, а «потому что в нем нуждались». Так, прилагательные *вежливый, учтивый, культурный, цивилизованный* (т. е. с хорошими манерами) не могли быть соотнесены ни с одним существительным. «Слово *police* (*полиция*) обозначало скорее общественный порядок, что тоже было довольно далеко по смыслу от прилагательного *poli* (*воспитанный, вежливый, культурный, светский*)». При этом Ф. Бродель указывает, что *Универсальный словарь* Антуана Фюретьера (издан в 1690 г.) определял слово *poli* следующим образом: «Используется в моральном смысле и означает цивилизованный. Цивилизовать, облагородить нравы, приобщить к культуре и обществу... Ничто так не цивилизует и облагораживает молодого человека, как общение с дамами» [Бродель, 2008, с. 34].

Изначально слово «цивилизация» использовалось как юридический термин. В подтверждение этому Жан Старобинский в своей работе [Старобинский, 2002, с. 111] приводит статью из «Всеобщего словаря» Треву (1743): «Термин юриспруденции. Это судебный акт, судебное решение, которым уголовный процесс превращается в гражданский. *Цивилизация* дела осуществляется посредством превращения следствия в дознание, или иначе».

В юриспруденции главные различия между гражданским и уголовным процессами сводятся к следующему [Познышев, 1913]:

1) Гражданский процесс есть спор о праве гражданском, которое подлежит свободному распоряжению своего субъекта. Никто не вынуждается пользоваться своим гражданским правом или против воли его охранять. Частный интерес и частная воля играют в нем гораздо большую и иную роль, чем в процессе уголовном.

2) В уголовном процессе на первом плане стоят психологические вопросы – о вменяемости, оттенках вины, мотивах и проч. В гражданском процессе таких вопросов нет вовсе. Отсюда понятно, что уголовный процесс шире гражданского и отличается большей свободой приемов исследования и оценки доказательств.

3) Гражданский процесс непосредственной своей целью имеет удовлетворение частных интересов. Уголовный процесс прямо и непосредственно отправляется в интересах общегосударственных.

Таким образом, в переводе уголовного процесса в гражданский, т. е. «цивилизации дела», также наблюдается тенденция замещения сильного семиотического действия ослабленными семиотическим действием: от государственного интереса – к частному интересу; от широты приемов исследований – к отсутствию психологической подоплеки; от наказания преступника – к обеспечению интересов потерпевшего.

Интересно, что современное значение слова «цивилизация» возникает значительно позже. Согласно теории Жана Старобинского, юридическое значение слова могло задержать появление второго смысла. «Первое возникшее значение слова, особенно если оно точно определено, стремится защитить свою исключительную привилегию» [Старобинский, 2002, с. 111]. В очередной раз Ж. Старобинский обращается к «Всеобщему словарю» Треву уже 1771 года издания, который определяет слово *civilization* следующим образом: «[1] Термин юриспруденции [следует дефиниция из издания 1743 года]; [2] Друг человечества стал употреблять это слово в значении общежительности. Смотри на это слово. Религия – без сомнения, первейшая и наиболее полезная сдерживающая сила человечества; это главная движущая сила цивилизации. Она непрестанно проповедует и внушает нам братские чувства, смягчает наши сердца».

Как отмечает сам Ж. Старобинский такой пример словоупотребления был выбран составителями словаря Треву неслучайно. Слово «цивилизация» употреблено в хвалебном контексте по отношению к религии, способной как к подавлению («сдерживающая сила») и братскому объединению («братские чувства»), так и к смягчению нравов [Там же, с. 113].

Но уже в 1795 году, как пишет Ж. Старобинский [Там же], у Л. Снетлаге (*Nouveau Dictionnaire français contenant de nouvelles créations du peuple français*, Göttingen, 1795) значит: «Слово это, употреблявшееся лишь в судебной практике, в смысле превращения уголовного дела в гражданское, употребляется для того, чтобы выразить действие цивилизации или же наклонность некоторого народа смягчать, а вернее исправлять свои нравы и обычаи, внося в гражданское общество [*société civile*] ясную и деятельную нравственность, исполненную любви и добрых дел. (Каждый Гражданин Европы вступил сегодня в сей последний бой за цивилизацию. Цивилизация нравов)».

Очень точно замечает закономерность происходящего процесса Э. Бенвенист: «Между первобытным варварством и современной жизнью человека в обществе повсюду в мире обнаружилось ступени постепенного перехода, открылся медленный и непрерывный прогресс воспитания и облагораживания, чего статическое понятие *civilisé* уже не могло больше выражать и что нужно было определить словом *civilisation*, передающим одновременно и направление и непрерывность процесса. Это было не только историческим взглядом на общество, это было и оптимистическим, порывающим с теологией пониманием его эволюции, которое начинало утверждаться, иногда даже без ведома тех, кто его провозглашал...» [Бенвенист, 2010, с. 391].

Все выше сказанное свидетельствует о том, что «цивилизация» как социальный термин возник значительно позже юридического. Правовой термин как бы «рождает цивилизационный», символизируя переход от варварства к гуманному обществу.

Итак, мы проследили на примере эволюции (от юридического значения к социальному) термина «цивилизация» процесс «семиотического ослабления» признака, в результате которого произошло очевидное изменение семантической нагрузки слова; по сути, второе значение слова было утрачено.

Литература

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Бенвенист Э. Общая Лингвистика. М., 2010.
Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.
Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum3553/item3562.html>.
Проскурин С. Г. Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4. Вып. 2. С. 11–18.
Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006.
Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. М., 2002.
Степанов Ю.С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М., 2004.